

Новелла Матвеева

А я ищу под видимостью душу...

Новелла Матвеева — наверное, самая большая тайна моей личной читательской судьбы. Уверен, что не только моей. И раз уж так выходит, что предисловия к «Строфам» иногда складываются в монологи, напоминающие «письма в бутылке», пущенные в собственный океан, — вспомню начало дошкольных 1970-х, когда я часто жил у бабушки, на Арбате.

Мы с сестрой без конца играли в робинзонов, превращая с помощью пледа наше старое кресло в хижину. Наигравшись, лезли на диван и слушали грампластинки: бесконечного Хоттабыча и Рикки-Тикки-Тави. Иногда взрослые ставили своё: Кристалинскую, Анну Герман и французов — Пиаф, Азнавура (который сегодня еще выступает, в свои девяносто лет).

Однажды нам поставили тот самый винил. На обложке — маленькая женщина, волосы перехвачены лентой, смотрит куда-то в сторону: «Песни Новеллы Матвеевой».

Первая же песня навсегда вошла мне вовнутрь.

Сказочно-детский, бережливый голос выводил под гитару: «Мой караван шагал через пустыню, Мой караван ша-а-гал через пустыню. Первый верблюд о чем-то с грустью думал, И остальные вторили ему...»

Недавно мне выпало позвонить и поздравить её с премией имени Корнея Чуковского, который, говорят, прыгал от радости через стул, прочитав стихотворение «Солнечный зайчик». Он называл Матвееву «уходящей», потому что она всегда пела, когда он просил, а после — незаметно исчезала.

...И никогда меня вы не найдёте:

Ведь от колес волшебных нет следа.

Однажды, когда Чуковский ушел навсегда, она вступилась за его дом-музей.

Она всегда вступает за всё настоящее. За Веру, Красоту, Память. В телефоне я слышал тот самый голос из детства, может, чуть-чуть менее звонкий.

Пользуясь случаем, благодарно кланяюсь тем, кто сегодня чутко пишет и думает о ней: двум Дмитриям — Быкову и Шеварову, Геннадию Красникову, Борису Жукову...

И вспомнив окуджавовское «для тех, кто понимает», признаюсь вам без всякой патетики: быть ее современником и читателем — ответственно и счастливо. В конце концов, мало о ком можно так же легко сказать, как о ней: драгоценный русский поэт. **Ф.**

Заместитель главного редактора
журнала «Новый мир» **Павел Крючков**
Рисунки **Наталии Кондратовой**

Совершенство

Боюсь совершенства, боюсь мастерства,
Своей же вершины боюсь безотчетно;
Там снег, там уже замерзают слова
И снова в долины сошли бы охотно.

Гнетет меня ровный томительный свет
Того поэтического Арабата,
Откуда и кверху пути уже нет
И вниз уже больше не будет возврата.

Но мне, в утешенье, сказали вчера,
Что нет на земле совершенства. И что же?
Мне надо бы радостно крикнуть: «Ура!»,
А я сокрушенно подумала: «Боже!»

1957–1964

* * *

Мне кажется порой, что умерли стихии —
Такие, как Земля, Огонь, Вода и Воздух.
А заменили их... какие-то другие —
Из приготовленных на незаконных звёздах;

Что до сих пор трава, наш друг многовековой,
Напрасной зеленью сияла перед нами;
Что кто-то изобрёл закон природы новый,
Повелевающий расти ей — вверх корнями!

Что в джунгли отпустил шарманщик обезьянку,
Но джунглей больше нет; их царственное платье
Сорвали, вывернули, с криком, наизнанку!
Мне кажется, о них — век буду горевать я,

И плакать буду я — счастливым на потеху
По истинным слезам и подлинному смеху.

* * *

Церковь Воскресенья
На Успенском Вражке.
Как воды прохладной бульканье в баклажке,
Свежесть воркованья в горле голубином.
И зоря за крышами — гаснущим рубином.

Изморозью купол оперен жемчужной.
А в еёмкой нише на стене наружной,
В чистоте мороза, в царстве ледозвона, —
Николай Угодник, старая икона.

Снега осыпанье из лазури звонниц,
Звонницы — приюты галочьих бессонниц.
Под лазурью звонниц галки черно-сини,
Словно в платьях бедных — схимницы пустыни.

Крестится старушка, никнет перед нишей.
В платье галок черных, изморози тише.
Снег росой садится на цветы сухие.
Ох же ты, надрыва клятая стихия!

Славно Дидероту, весело Вольтеру
Подвергать сомненью и не брать на веру
Странности и дивы сущности неясной
Под горячим солнцем Франции прекрасной!

А у той старушки все поумирали.
Того прежде — беды молодость украли.
Вместо винограда, флейт и тамбурина
Ей — на платье черном — капли стеарина.

Посреди природы северной, невзрачной,
Где на сучьях голых домик галки мрачной,
От раздумий тяжких ей одно спасенье:
На Успенском Вражке церковь Воскресенья!

1980-е годы

Душа вещей

Люблю дома, где вещи — не имущество,
Где вещи легче лодок на причале.
И не люблю вещей без преимущества
Волшебного общения с вещами.

Нет, не в тебе, очаг, твое могущество:
Хоть весь дровами, точно рот словами,
Набейся — я и тут не обожгусь еще,
Не будь огонь посредником меж нами.

Мне скажут: брось мечты, рисуй действительность;
Пиши как есть: сапог, подкову, грушу...
Но есть и у действительности видимость,
А я ищу под видимостью душу.

И повторяю всюду и везде:
Не в соли соль. Гвоздь тоже не в гвозде.

совместный проект
ФОМА **НОВЫЙ**
МИР

Радость

У ворот июля замерли улитки,
Хлопает листьями
Вымокший орех,
Ветер из дождя
Выдергивает нитки,
Солнце сыплет блеск
Из облачных прорех.

Светятся лягушки и себя не помня
Скачут через камни рыжего ручья...
Дай мне задержаться
На пороге полдня,
Дай облокотиться
О косяк луча!

Могущество соловья

На заре весны, весной зари
Вдруг примолкнет он... И ты замри!
В горле, выложенном серебром,
Спит таинственный алмазный гром.
Клюв откроет... Пой! Еще! Еще!
...Ну и маленькое же это все!
Ну и серенькое! — не видать...
Ну и мощное! — не совладать!
На заре весны, весной весны
Липы-ясени потрясены.
Трель раскатистая заблестит, —
Всю черемуху разбередит!
Лейся! Зарослями ниспадай,
Бей каскадами... Не пропадай,
Гений воздуха! — чей дивный глас
Ниже Господа, но выше нас.

2 сентября 1996

